

ПИОНЕР

3

Изд-во ЦК ВКП(б)
„ПРАВДА“

УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ...

„Вся работа в наших школах проходит сейчас под знаком самой напряженной борьбы за внедрение знаний грамотности, за то, чтобы миллионы учащихся Социалистического союза выходили из школы образованными, грамотными людьми“

(Из выступления т. Бубнова на XVII съезде партии)

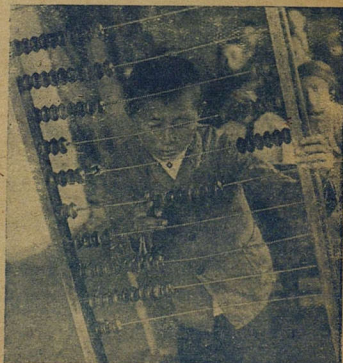
В киргизском колхозном техникуме в г. Фрунзе большинство учащихся националы. Еще недавно полукочевой народ сейчас готовит своих агрономов, зоотехников и оцководов. Одна из лучших учениц техникума Биби Керимжанова знакомит товарищей с глобусом

Раз в декаду школьники 25-й образцовой школы Октябрьского р-на перемещают показатели по посещаемости, дисциплине и успеваемости на щите соревнования. Красные флажки, отмечая достижения лучших групп, заставляют подтягиваться отстающих

Китайские ребята на уроке в советской китайской школе (Владивосток)

Когда надо показать ребятам решение трудной задачи, учитель вызывает Богдо-Токтахо. Он быстро соображает и хорошо считает на счетах. Богдо—лучший ученик в школе-интернате калмыцкого колхоза им. Сталина

МЫ МОЖЕМ ГОРДИТЬСЯ СВОЕЙ КРАСНОЙ АРМИЕЙ

Из речи т. Ворошилова на XVII партс'езде

«Центральный комитет нашей партии, партия в целом, напряженно работая над всем многообразием вопросов строительства социализма, ни на один миг не упустили из виду необходимости постоянной заботы о защите советских границ, о строительстве рабоче-крестьянской Красной армии и обороны в целом. Как результат этой общей нашей работы мы имеем на сегодня вполне современную, преданную делу социализма, крепкую, словом, хорошую армию. Наши вооруженные силы полностью соответствуют уровню развития нашей страны, от бурного роста которой они не отставали и не смели отставать ни на один шаг.

За период между XVI и XVII партийными съездами проделана огромная работа по коренной реконструкции Красной армии. За этот период армия совершенно переродилась, став в отношении качества и количества вооружения, организационной структуры и боевой подготовки своих кадров как бы принципиально иной армией.

И в самом деле. В 1930 г. мы не имели еще целого ряда средств борьбы, а то, что имело, было устарелым и малоприменимым в свете развития военной техники буржуазных армий. Правда, и при низких наших технических возможностях того

времени мы всегда делали все, что было в наших силах, чтобы Красная армия была готова и способна отразить врага, если он посягнет на нашу территорию. И я могу вам сказать, что мы, военные работники, и наш руководитель—Центральный комитет—никогда не обманывали никого, когда заявляли на весь мир, что наша армия боеспособна, что в случае необходимости она грудью станет на защиту своей страны и отстоит ее. Это не было фразой (*аплодисменты*), это была большевистская правда. Но, как я уже сказал, в те времена армия была вооружена сравнительно слабо, и все

наши надежды покоились главным образом на беззаветной преданности делу социализма наших бойцов, командиров и политработников, на нашей организованности, на боевой революционной дисциплине, на единодушном стремлении всей армии и всего трудящегося народа во что бы ни стало отстаивать свою социалистическую родину (*аплодисменты*). Теперь, повторю, положение резко изменилось. Сегодня Красная армия может по праву гордиться своим вооружением и своей технической оснасткой» (*аплодисменты*).

ЖЕЛЕЗНЫМ НАРКОМ

ТЯЖЕЛОЕ ДЕТСТВО

Работу он узнал раньше чем грамоту. Совсем маленьким пас скот, потом на рудниках Голубовского выбирал колчедан. Когда Климу Ворошилову было десять

Нужно ли указывать, кто из молодежи на этой фотографии будущий великий полководец красных войск? Этой фотографии больше 30 лет, т. Ворошилову, который на ней снят, меньше 20

лет, десять копеек он получал за день. Но и гривенник в семье считался деньгами. Железнодорожный сторож Ефрем Ворошилов из-за своих вольных мыслей часто терял работу, а мать приносила с поденщины копейки. Жили в черной хате, без печки, пол был земляной. Соломенная крыша свисала на окна. Мать горевала, что Клим растет неученым: умел бы как дед читать псалтырь, вот хорошо было бы. Но учиться было негде. Только 12-ти лет счастливый Клим сел на школьную скамью выводить палочки, но через два года «курс наук» был закончен.

Ворошилов не забыл своего горького

бесшкольного детства. И когда десяток лет спустя под его руководством луганские забастовщики потребовали от хозяев улучшения своей жизни, одним из требований было построить школу для ребят рабочих. Поезжайте в Луганск, вам покажут здание этой школы. Вам покажут кран, перекинутый мостом из одного угла цеха в другой. На нем в 1899 г. на заводе Алчевского работал Ворошилов. Луганцы расскажут вам, как на железном листе для печения пирожков, задитом желатином, как на гектографе печатали прокламации, которые писал «Володя» (такая была у Ворошилова подпольная кличка), как он руководил забастовкой, как его били в тюрьме, как делали бомбы, как под началом Ворошилова в 1905 г. боролись за советы.

БОЛЬШЕВИК ВОРОШИЛОВ НЕ БОИТСЯ ТЮРЬМЫ И ССЫЛКИ

В Луганске Ворошилов прошел особую школу, школу большевистской партийной выучки. В 1903 г. он вступил в партию. А с полицейскими кулаками познакомился тоже в Луганске еще подростком. Приехал новый, глупый пристав Греков. Он сидел с дамами на скамейке около дома. Мимо шла компания рабочих ребят. Все шапки подня-

В этой хате родился Климентий Ефремович Ворошилов

лись кверху кроме ворошиловской. А пристав любит уважение. Греков схватил Ворошилова за рубашку, а Ворошилов ответил по-своему: за галстук пристава! В тот же день в катажке появился новый арестант.

За забастовку ворошиловскую фамилию занесли в черный список. Три года ходил он без работы. Двери всех заводов закрылись для «неблагонадежного». Сидел в тюрьмах. Прошел ссылки. И каждый раз, возвращаясь, снова принимался бороться за победу революции. Под угрозой виселицы доставлял из Финляндии оружие. Работал со Сталиным в бакинском подполье. На затранных с'ездах шел за Лениным. Теперь опасного большевика Ворошилова знали уже и архангельские, и петербургские, и бакинские приставы. Архангельский губернатор писал мезенскому исправнику: «Препрово-

ждается к вам доставленный из бегов К. Е. Ворошилов. Предлагаю Вашему Высочородию по прибытии названного лица учредить за ним строгий надзор и об исполнении доложить мне». А один пристав даже сослужил Ворошилову службу. В комнате Ворошилова шел ночной обыск. Пока полицейские старались, пристав сел отдохнуть на сундучок. Полицейские не посмели побеспокоить начальство и сундучок не обыскивали. Распотрошили всю комнату, ничего не нашли. А как раз в сундучке-то, под приставом, и была запрещенная литература.

В Луганске началась и первая военная работа Ворошилова. Генеральские армии окружили Царицын. Сдать Царицын—это значило потерять хлеб, волжский путь, позволить белому Дону соединиться с белым Уралом. И Ворошилов повел луганских партизан на выручку. Шли 700 километров.

Шли рабочие, оборванные, с женами и пожитками. Не раз в отряде раздавались стоны, вызванные голодом. Шли по разрушенной дороге, отбиваясь от врагов. Тут же строили мосты для перевозки орудий. На плечах переносили шпалы. И все-таки отряд креп, пополнялся другими отрядами, и на выручку Царицын Ворошилов привел уже не партизанский отряд, а целую группу войск. И там он помогал Сталину в героической обороне красного Царицына.

В гражданскую войну Ворошилов был почти на всех фронтах. Бывший слесарь, безо всякой военной подготовки, никогда даже не служивший в армии, он командовал 5-й, 14-й и вместе с Буденным 1-й конной армией. Был немцев; белополяков, Врангеля, Денкина. Был армии испытанных, матерых генералов. Почему так получилось? Потому что Ворошилова воспитала большевистская партия. Он учился у Ленина и Сталина, он умел организовывать людей. Из бесшабашных конников, любящих покрывать: «Эй, чего там, всех порубаем!», он делал дисциплинированных, выдержанных

Тов. Ворошилов в молодости

бойцов. Он заставлял учиться и военному делу и политграмоте. В 1919 г. в Конной армии было сто коммунистов, а к маю 1920 г. — 3152. Недаром Буденный говорил: «Мою армию называют буденновской, а сам я воршиловец».

В трудные минуты Ворошилов был всегда на передовой линии, об'езжал цепи, сутками не слезая с коня. В одном бою казацкая пика запуталась у него в буре. Под Казанью воршиловский броневик полтора часа вупор обстреливали белые. Шея Клементия Ефремовича была изрезана осколками брони.

В 1920 г., на X съезде партии, пронеслась тревожная весть: в Кронштадте мятеж. Стоянка флота, морская крепость — защита столицы — в руках врага. Кронштадт стоит на острове. Был март, лед уже начал проваливаться. Мятежники ждали на помощь весну и английский флот.

К вечеру залы съезда опустели, зато вагоны, идущие к Петрограду, были переполнены делегатами-добровольцами. Наступали ночью, в белых халатах, под цвет снега. И впереди атакующих, не сгибаясь под пулями, шел по льду комиссар Южной группы Ворошилов. Через несколько дней мятеж был подавлен.

КОМАНДИР САМОЙ СИЛЬНОЙ АРМИИ

С 1925 г., девять лет, К. Е. Ворошилов занимает пост наркомвоенмора Союза. Руководствуясь указаниями т. Сталина, он проводит огромную работу по строительству и укреплению Красной армии. Мы можем с гордостью сказать, что наша Красная армия превратилась в самую сильную, технически самую мощную армию в мире.

Теперь у нас многопушечные танки, огромные как дома, танки, которые ломают проволочные заграждения, переползают рвы и проходят болота. Никакая пуля не пробьет их броневую толщу. Теперь у нас

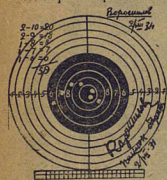
Комиссар Южной группы т. Ворошилов пришел с победой. Владимир Ильич и Ворошилов сняты в группе красноармейцев, штурмовавших Кронштадт

есть тяжелые бомбовозы, поднимающие тысячу килограммов бомб, и быстрые истребители. Теперь у нас

Тов. Сталин и т. Ворошилов в гостях у моряков

Зенитные орудия с длинными, вытянутыми в небо дулами, которые могут сбить любой вражеский аэроплан. Теперь у нас—дальнобойные пушки-гаубицы, снаряды которых пролетают километры. В нашей армии теперь столько машин, что на каждого красноармейца в среднем приходится 7 механических лошадей. Семеро из каждых десяти красноармейцев непосредственно связаны с техникой. Ничего подобного у нас раньше не было.

Ворошиловская мишень

Такая армия даст жестокий отпор любому врагу. В нашей армии нет ни одного неграмотного. Партийная организация в Красной армии—лучшая из наших лучших партийных организаций. Бывшие красноармейцы и отпускиники показывают примеры ударничества на заводах и в колхозах.

Много внимания уделяет Ворошилов Красному морскому флоту. Тов. Муклевич вспоминает, как учил их Ворошилов овладевать техникой морского дела. Корабли должны были плавать в любую погоду днем и ночью на полный ход с потушенными огнями. Каждый год нарком лично участвует в морских маневрах. И после маневров в Кронштадте под открытым небом тысячное собрание. За председательским столом Ворошилов: обещают, как прошли маневры. И краснофлотцы обещают «выбрать слабую», дать в новом году еще более высокие показатели.

УЧИТЬСЯ СТРЕЛЯТЬ ПО-ВОРОШИЛОВСКИ

Ворошилов не только вождь, но и чуткий, отзывчивый товарищ. В гражданскую войну одному раненому командиру угрожало заражение крови. Будучи в Москве, Ворошилов позаботился доставить спасительное лекарство, и оно было срочно отправлено больному. «Начальник будет авторитетен только тогда, когда он краток, требователен, безусловно тверд в работе, но заботлив, чуток, умеет по-товарищески подойти к своим подчиненным во внеслужебное время и когда он политически активен»,—таков приказ Ворошилова.

Он требует от командиров и бойцов не только боевой выучки, но и общей культурности. В Москву к наркому приехала делегация лучших младших командиров. Клементий Ефимович поблагодарил командиров за хорошую работу и приказал посетить московские театры и осмотреть музеи.

Краснофлотцам «Парижской коммуны» Ворошилов пишет: «Работайте, товарищи, не покладая рук, не только над выполнением порученного вам важнейшего дела, но и над собою. Еще больше знаний и культурности».

И образцом большевистской работы над собой является сам Ворошилов. Член Политбюро ЦК нашей партии Ворошилов в совершенстве владеет учением Маркса—Ленина—Сталина. Не получивши законченного образования, он сейчас крупнейший знаток военного дела. Он знает любую военную машину. Прекрасно

ездит верхом и правит автомобилем. Меткость ворошиловской стрельбы известна. На военном полигоне, стреляя в мишень в присутствии наркома, один командир промазал семь раз. Командир пожаловался, что плох наган. Ворошилов взял «плохой» наган, и все семь пуль одна за другой врезались в черную сердцевину круга.

Лучшие стрелки Союза сдают нормы на «ворошиловский значок».

Мы можем уверенно учиться работать, строить социализм. Нашу страну защищает непобедимая Красная армия во главе со своим руководителем, верным учеником и соратником великого Сталина К. Е. Ворошиловым.

Без промаха бьет ворошиловская пуля. Тов. Ворошилов стреляет из чужого нагана. Командир, стрелявший из этого нагана перед наркомом, семь раз промазал и пожаловался на плохое оружие. Нарком семь раз попал. Мишень его помещена на этой ст. алице.

РАССКАЗ

ВАСИЛИЯ

ПЕТРОВИЧА

Всеголов Лебедев

Рис. А. Митурича

В бою под деревней Дикой меня ранило. И ранило не очень, но командир убедил ехать в двухнедельный отпуск. А куда я поеду? Разве к товарищу, к Пермякову Павлу...

Пермяков Павел был хороший товарищ: вместе работали на Кытлымских платиновых приисках. Вместе пошли и на фронт как братья. Но тут война разделила нас, и ничего не знали друг о друге. Но потом вдруг узнаю: Павел Пермяков ранен, лежит в Перми в лазарете. Дай я поеду в Пермь, буду ходить в лазарет к Пермякову. Ему от этого будет легче...

Приезжаю я в Пермь. Хожу как утка. За сто шагов люди видят: инвалид идет. Стараясь этого не показывать, но мне обидно.

Поселился на самой тихой улице. Дал ордер комендант города. Иду в этот домик. Все чисто, хорошо. И постель стоит уже готовая: мне и впору. Здесь жил политрук, но политрука на фронт послали. И теперь мне ложиться в эту постель. Ранило меня в овраге, и день пролежал я лицом в землю, думал, не воскресну. А нет, ведь воскрес! И вот какие штуки существуют на свете: и электричество горит, и шинель снимишь, и на стенку повесишь. Мне это вроде забавно. Точно и не я.

И начал отдыхать: пойду к Пермякову завтра со свежим лицом. Сел в кресло (там кресла были широкие), в них сидеть, точно в тесто сел. Сел и стал отдыхать. Зеркальце на столике стояло,—посмотрел. Точно не на себя смотрю, а на брата. Одна и та же мать родила, только не я это. Весь загорел, и округлела морда и щетиной поросла,—точно боров из зеркала на меня смотрит... Ничего! Наплевать!

В дверь постучали.

— Прощу, войдите.

Заскочил в мою комнату старичок, весь беленький, аккуратнейший. Пиджачок на нем надет вполне старый, как носили еще до революции.

— Что ж,—думаю,—может он и не контр. Меня не убудет, если я с ним поговорю.

Папашей назвал:

— Садитесь, папаша.

— Ничего, я постою. Мне не сидится.

— Давно ли не сидится вам, папаша?

— А у меня такая болезнь.

Этот старичок просидел на стуле в конторе заводской, так говорил он, скорей семь лет: с пятнадцати лет. Он уж всю думу потерял, все мысли у него разбежались. Его притерло к этому стулу. И он уже свободно не держится. Мы просто идем, а он по, тому же месту ходит осторожно как по льду.

— Вот,—говорит старичок,—я и думать ни о чем не могу. Сорок семь лет считал на счетах, не поднимая головы. И теперь живу без дела, на пенсии. Но встану с утра и начинаю считать. Счет в голове вертится. Я его гоноу, а он вон не идет. Выйдешь на улицу, тоже считаешь: окна в домах, шаги свои. Иной раз,—говорит,—собаку с кошкой сосчитаешь вместе и человека присчитаешь к своим шагам.

— Да,—говорю я старику,—это тоже болезнь.

— Да и какая болезнь,—говорит старик.—Я и во сне считаю. Проснешься, сразу проснешься, а губы шепчут: «двести шестьдесят пять». Это значит, я во сне лежал и считал как машинка.

А я старику говорю:

— Это прежний режим с вами делал. При новом режиме, при советском, человек станет жить, свободнее, а считать — есть прибор, изобретен. Машина не устанет; ее только накрути, она любую выкинет тебе цифру, любое умножение.

Эту вещь я видел в канцелярии начальника штаба, когда ходил туда с пакетом. Ребята очень удивлялись и трогали ее. Сначала думали, что музыка, а дежурный сказал: «Не троньте, ребята, она ничего не сыграет, а только может считать». Ну, мы и отстали,—не для нас эта музыка!

Так поговорили, и мой старичок говорит:

— Выпьем.

Надо сознаться: я очень ослабел, а слабый человек до вина падкий. Теперь я пишу свою вину: зачем мне было с этим стариком жить. Ведь кроме того, что пить непочетно красноармейцу, с кем пить? Ведь я его не рассмотрел. Вижу, вежливый старичок, безвредный...

Ну, одним словом, если пить. Старичок ханжи какой-то принес. Ни водка, ни спирт — ханжа. Налил чего-то зеленого в стаканы. И сидит, на меня смотрит как попугай.

Я сунул к стакану! Стакан был пузатый, крепкий. Потом огурец захватил с тарелки, а сунуть в рот не могу: уже кружит меня, то ли от слабости, то ли от того, что в ханжу подлили чего-нибудь не настоящего. И постель манит меня. Я как широко раскинулся, так во сне и не перевернулся: спал как раздавленный. Сколько времени прошло, не знаю. Бывает так: на берегу реки уснешь у воды и заспишь целую вечность. Целую жизнь проспишь.

А тут случилось, что не жизнь проспал, а всего лишь мои документы. Были военный билет и паспорт, всякие справки были. Все в штанах, в кармане. Все,

по чему я жил, доказывал, что я Черных. Проснулся, сразу сунул рукой в карман. Не поверил. А поверил,— все равно стою, мешаю рукой в кармане, а там кроме платка грязного и нет ничего.

«Нет врешь,— думаю,— они тут!». Выложил на стол платок, ощупал его даже. Пуговица была, и ту выложил. Пустой карман! А ведь было вчера. Было или не было? Может у меня по дороге сперли? Постоял дураком, иду в соседние комнаты.

Пусто как в конюшне, когда лошадей выведут. Самовар стоит, но что мне самовар. Глядеться в него что ли? И так дураком вышел!

Закурил и сижу, жду старика. У окошка сижу. Идет какая-то дура. Через дворик идет. Вроде попадая какая-то: вся в шалих, в платках; они на ней как на сахарной голове. Сама белая, толстая. Спрашиваю:

— А не видели, куда вышел хозяин этого дома?

— Что вы, помилуйте! Какой хозяин? У этого дома век хозяев не было. Мы и не знаем, кто здесь хозяева. Это комиссариатский дом.

— Значит, старик этот сторож что ли был?

— Тут и сторожей нет, я сторожу. Я напротив живу, и меня поставили глядеть за домом, чтобы не

...и уже кружат меня, то ли от слабости, то ли от того, что в ханжу подлили чего-нибудь не лезющего.

сталии чего. А тут живут по двое, по трое от комиссариата. Кому ордер дают, и живут два-три дня. А не вмешиваюсь. Меня бы только оставили, у меня свой флигелек есть. Если подмести надо,— я могу, да и то хорошие люди за это дело сухарей насыплют. А самовар поставить и сам можешь. Наука небольшая поставить самовар. А если и самовара ставить не хочешь, лежи на кровати и читай азбуку. Тут азбук целый угол накидан. Зимой учили здесь грамоте, так и остались.

— Постой,— говорю,— мамаша. Ничего не понимаю. Голова идет кругом. Объясните как следует, потому что я красноармеец и не могу этого дела оставить. За документы я должен ответить. Ведь документ не птица, сам не вылетит.

Остановил ее. Выбежал на дворик и остановил. Уперся в нее.

А та:

— Отец Никодим, отец Никодим!

Выходит из флигеля худой длинный поп. Шея как гусяния или как у скрипки бывает. А глаза рачьи.

— Что вам надо, товарищ красноармеец?

— Я вам не товарищ. А я допрашиваю гражданку по причине того, что здесь бывают неизвестные люди. Поведа вас всех в комиссариат, там лучше знают. Там

так знают, что, может быть, ты через пять минут по-бежишь домой и с моими документами придешь.

Поп:

— Вы шутите, дорогой товарищ. У вас лихорадка. Некому здесь красть, двор глухой, и никто не приходил кроме вас. Ведь мы у окошка сидим, смотрим. Мы можем оказать вам помощь. Вам сейчас нужно хины да под одеяло. И как побудешь под одеялом сутки, выйдешь совсем здоровым и крепким в теле.

Я насили выбежал со двора,— поп загоразживае мне дорогу, доказывал, что я болен. С хиной свое лезет. Что мне хину, ты мне подавай мои документы!

Добежал до коменданта города: «Так и так, виноват и ответу за свою вину, что выпил». А комендант:

— Ты за эту вину, Черных, ответишь, как и полагается каждому красноармейцу ответить. Но ответишь потом. А здесь вот тебе приказ: узнай эту квартиру. Это уж второй случай, что пропали документы.

Я все понял, что комендант сказал. Иду дураком обратно.

Зашел к Павлу Пермякову в больницу. К нему не пускают. Дальше лестницы ничего и не видел: «К нему нельзя, у него кризис. И все равно он вас не узнает: он лежит с закрытыми глазами».

— А если и не откроет их вовсе? Ведь я в одном отряде с ним был. Поймите!

— Что ж,— говорят,— все люди смертны!

Я от злости, что Пермякова не увидел, пошел. И пошел к реке, к Каме; там широка вода. И сижу на горе, над самым широким местом. И все думаю, как человека одурачили: документы как бабочка из разжатого кулака вылетели,— ищи их. Ведь вот выпил, не соблюл себя и лежал мертвым телом на постели Эх, боец! И Пермяков подгадил... А вдруг умрет и унесет с собой всю нашу дружбу. Как мы гуляли с ним вместе на Кытльмских прийках!

Задумался я. Над широкой-то водой задремалось. Ключило меня в сон. И сдерживал себя, а не сдержал,— тут и уснул над обрывом.

Проснулся: разговор! Я за камнем лежу, прижался. А надо мной, на скамеечке, двое разговаривают и меня не видят, и им кажется, что никто их и не слышит: впереди река, зади открытое место, самые секретные вещи можно громко кричать,— ведь река!

— Все хорошо, одно плохо. Шинельку купил крепкую и бороду вырастил, и совсем похож на советского, и ругаться научился как следует,— а вот нет документов.

А второй:

— Документы —пустяки. На новом валу, там большая торговля. Часов в семь, вот через час пойдя за амбарами, там бродяги играют в карты. Подойди и проси у них. За тридцать тысяч — любой документ. И тебя эта борода и документы спасут, и пройдешь фронт, а там вспомни меня.

А тот опять:

— Я пойду сейчас же.

Тут голоса удалились, а я вскочил да за бережками спрятался: разгледел их спины. Они по берегу, и я по берегу, они в переулочек, и я туда.

На мне гимнастерка,—красноармейцу не поверят. Что делать? Как к этим ворах подойти? Нельзя к ним подойти.

Я издали спрятался, смотрел: действительно за амбарами сидит троечка и будто играет в карты. Тот человек, в шинели, подошел к ним. Посидел с ними. Выху возвращается он и идет задани амбаров, думает, верно, спуститься к воде или в избушки рыбацьи идет или хочет податься через реку. И вдруг уплыват

мои документы! Почему-то я поверил, что это должны быть мои документы и ничья больше. Обидно!

Место пустынное. Он завернул далеко; нас никто не видит, и уже вечер. Я зайдем прыгаю за ним и все прячусь. Зашел он совсем в глухое место: к свалке, в овраг, и там на берегу свистнул. Через реку плывет лодка. В лодке управляется один и еще далеко едет по самой ширине реки. Неужели уйдет он от меня?.. Подбежал к нему, к самому, и сразу его пядью за морду так, что ослеп он, — не видит меня,— и в песок. Он бороться не умеет и вообще не для меня пара,— я хоть и раненый, а держу его свободно.

Лодка-то, лодка поворотила сразу и уходит. Эх! Упустил лодку... На самой ширине сразу повернула и пошла. А я его держу. И он смотрит на меня.

— Что,— говорю,— долго бороду отращивал на деревенский манер?

Э-э, нет, погоди, я раньше тебя залезу!

И оступал там у него. Карман большой, — наша-де, красноармейская, шинель. Может быть с товарища сняли с больного или в бою содрали с убитого, а может быть дезертир шинель продал. Эх ты, подлога! Разве для тебя шинель такую шили?

А в шинели, в кармане, лежит аккуратный маленький револьвер, заряженный двенадцатью патронами.

— А ну, скажи: кому ты эти патроны готовил? Вот этот патрон мне? А этот патрон, может, в темноте, тут у реки, опять же в меня? Какую мне готовил посылку? Давай его мне, он у меня надежнее.

Тот молчит, и держу я его как ужа,— попробуй эмею держать: она в руках легко держится, она у тебя на руке повиснет как мертвая, да вдруг скользнет в лицо, ведь она эмея! Я его держу и ошупываю другой рукой. Еще на лбу у меня шрам не зажил от белогвардейской раны,— я это чувствую. Ведь вот от такого же как он...

Обыскал его; документ воинский. Я не стал разворачивать, смотреть.

— Пойдем!

— Куда?

— В комендатуру.

— Я не пойду.

И смотрит на реку. А река потемнела,— и чорт знает, что с реки выедет. Опонек какой-то едет к нам. Тут я наставил револьвер, и он пошел. Комендатура недалеко, не пришлось идти через весь город.

Там товарищ, который сидел, на документ не стал посмотреть, а стал смотреть в лицо приведенному.

— Вот,— говорит,— Черных, ты поймал большую птицу. Выпустили бы мы ее, кружилась бы эта птица над нашей землей. Ведь это коршун. Эх! Проворонил ты лодку...

Тот, белый, сидит и смотрит. Тут весь он стал белый,— ему и борода не помогает. Он испугался, и у него лицо стало серее снега, и потерял он все слова. Я на него поглядел и говорю:

— Ведь ты шел к белым с моим именем. Из-за моей пьяной вины имя мое помогло бы тебе перебраться через фронт.

А комендант:

— Почему ты думаешь, — под твоим именем?

И показывает другой документ. Верно, ведь не мой, а умершего красноармейца.

— Ну, теперь все равно. Мы все знаем.

А я остался без имени...

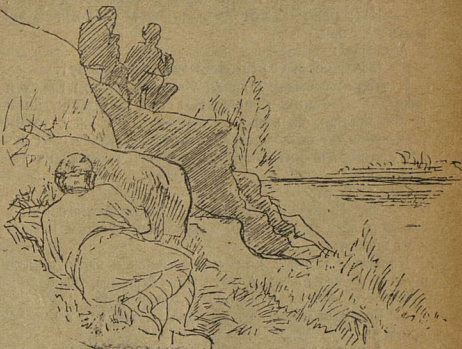
Мне командир велел идти домой. И я решил:

— Товарищ командир, я приду туда пьяным. Меня уже пьяным там видели и знают, какой я пьяный.

Командир понимает, ему не надо двух слов гово-

рить, он с одного слова понял. Принесли тут ханжи: была конфискована. Тут же баба сидела с ханжой, все просила ее выпустить, а ханжу уже хотели выливать на двор.

Командир говорит:

Проснулся — разговор! Я за камнем лежу, прижился.

— Стойте, Черных правильно сообразил. И дают мне этой ханжи, этого яда, в кошмичке. Я лицо в ханже вымыл,— противно! И остатки вылил на шинель.

— Товарищ командир, меня с этим запахом сквозь город не пропустят. Тем более сейчас ночь!

Велел проводить меня.

Товарищ повел меня, как будто вел под конвоем. И жители шли, крутили головами: «А еще красноармейца!». Один пьяница шел за нами, нохал, не отставал. Провожатый уж крикнул на него.

Зашел я на двор, иду как подстреленный гусь. Полами шинели мету пол и сел посреди двора. И песню запел. Поп выбегает:

— Вам здесь нехорошо, товарищ.

— Да, товарищ, мне здесь нехорошо.

— Вы бы спать пошли.

— Очень просто, пойду спать.

У себя постель раскидал по полу, будто не желаю на кровати лежать. Желаю широко на полу. На полу и лег. Шинель скинул, лег в одном нижнем. А под подушку револьвер, тот самый; оставил мне его комендант.

Час — два лежал — никого нет. Досадно стало. Одурачен я. Не такие они дураки, чтобы воровать каждый день. Они делают тоньше.

Вдруг дверь скрипнула.

Двое вошли, — я глаз приоткрыл и разглядел их: поп и тот старичок. Старичок остановился надо мной как над мертвым, оглядел одежду мою.

— Знал бы он, пьяный полдец, кому он документ свой уступил. Ведь с его документом едет через фронт такая боевая личность.

А поп:

— Большая храбрость нужна — взять красноармейский документ и по нему пробираться такому лицу. Командовал царской дивизией. А теперь в самой толпе поедет, как свиной везут, так и красноармейцев везут в теплушках, и он тоже начальник дивизии, генерал, в теплушке сидит и нюхает всю вонь.

А старичок:

— Теперь надо делать совсем тихо. Теперь мы наполнили все задания. И теперь мне нужно уходить, а вы, отец Ипполит, поедете в дальний монастырь, и пока все не кончится, вы будете там в монастыре молиться. Вот за него помолитесь — за его душу.

Это старик говорит обо мне и показывает на меня.

— Нет, рано на тот свет посылаете! Я еще хочу жить на этом.

А старик:

— Пора, пора. С реки приедут, нас возьмут.

И старик снимает бороду. Я одним глазом гляжу и вижу: снял старик бороду. Вот тебе и старик. Да и гроб — пропал. Да ведь это гренадер. Вот уж с таким раненый я не справлюсь! Этот будет драться, так будет драться по-военному. Недаром его послали на такое дело.

Поп говорит:

— Эх, Николай Евгеньевич, Николай Евгеньевич, сколько лет зря пропало; а ведь как к этим плечам идут эпюлеты.

Подходит к нему поп как к лошади барышник, и шупает у него плечо. А тот стоит баринном, офицером.

Поп его обошел как коня и говорит:

— Большая вам будет награда за то, что вы приняли.

— А как вы думаете, какая мне будет награда?

— А первая вам награда будет от царя. Когда все это кончится, вас ведь повезут к царю. Вас обнимет царь и скажет: вот сколько народу сохранили вы для меня. А ведь царское об'ятие — награда самая высокая...

— А еще какие будут мне награды?

— А вторая награда вам будет тоже от царя. Вас тут же при царе и оденут — всего. Оденут в золото. Вы забудете, что жили в такой грязи и скитались по закоулкам, как будете стоять в высокой зале под таким потолком и при таком свете и в золото оденетесь...

— А еще чем наградит меня царь?

И мне стало обидно лежать при таких словах. И где говорят эти слова? В Перми! А ведь Пермь пока еще наша — красная.

И я рукой нашарил револьвер и сразу как в бою из-под укрепления, встаю сразу готовый, только в одном нижнем.

Офицер схватил табурет — сразу бы убил меня табуретом. И я выстрелил ему свою награду в лоб. Не вести же его в комендатуру — не дался бы он, сразу тут ему пята пуля в лоб и спустил.

Немного не дожид до царской награды.

И к попу я.

— Ну, а тебя бы как царь наградил!..

Тот видит оружие в красноармейской руке, чует, что офицер убит, — спиной к стене жметса. Я кричу:

— Отойти от стены! А может в стене тайник!

А уж тут бежит патруль наших ребят — так было условлено с комендантом: сидели в старой бане люди.

Ну, могли на офицера полюбоваться, только уж на мертвого.

А поп сел на табурет и качается и качается. Его не держит. Из него уже вся сила вышла.

На другой день стало мне сильно больно за Павла Пермякова — неужели он умер. Прихожу — ведут к Пермякову и не говорят, жив он или умер. Я не спрашиваю — у меня бьется сердце. Ведут к постели. И вижу: сидит Павел Пермяков — его глаза. Только глаза сохранил прежние, а ведь худ и бел, точно с этой белевой стены вышел.

Тут я пошутил.

— Разве, — говорю, — Пермяков, с того света на этот советская власть принимает людей?

А он не может пошевелиться, только смотрит, и мне достаточно того, что он живой.

Так пробыл я свои две недели, и дал комендант мне новый билет: «Ну, Черных, потерял ты свое имя и снова получил его. Смотри, не теряй снова».

И верно: имени своего мне не приходилось терять. И так ловко пошло, что с того времени я не пью и не пью. И даже самому удивительно, как это может человек не пить и самого себя спрашиваю: «Неужели ты, Черных, не пьешь вовсе?».

А поп сел на табурет и качается и качается. Из него уже вся сила вышла.

ПЕХОТА... ОГОНЬ!

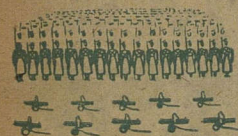

СВЕРХМЕТКИЕ СТРЕЛКИ

Красные бойцы-снайперы без промаха поражают пулей самые мелкие цели: голову наблюдателя, узкую смотровую щель в танке, бойницу окопа и т. п.— на расстоянии до 1000 м.

Для этого на обыкновенную, но отборную и отлаженную нашу винтовку ставят ОПТИЧЕСКИЙ ПРИЦЕЛ, т. е. такую зрительную трубу (похожа на одну из

труб бинокля), которая дает очень ясное и увеличенное изображение цели. На рисунке показана мишень одного из наших снайперов с четырьмя пулевыми пробитинами. Если бы вместо мишени находился наблюдатель противника, то любая из этих пуль вывела бы его из строя.

Вот сколько пулеметов было в старой, царской армии на каждый полк пехоты в 1911 г. Пушек не было вовсе

ВООРУЖЕНИЕ ПЕХОТЫ

Пехота Красной армии имеет мощное огневое вооружение: винтовки, пулеметы и пушки. При их помощи можно успешно вести бой в любых условиях. Пулемет — это самострельная (автоматическая) машина, выпускающая пули одну за другой. Станковый пулемет дает в бою 250—300 выстрелов в минуту, а ручной (легкий) пулемет — 100—125.

Пулеметы всюду и всегда должны быть вместе со стрелками. Чтобы легче было зимой двигаться с ними по полю

боя, изобретатели Красной армии придумали лыжную установку для ручного пулемета Дегтярева (см. фотографию). На этой установке пулеметчик на лыжах может тащить за собой пулемет со скоростью до 12—15 км в час. С этой же установки он будет стрелять. Пулемет Дегтярева — это наш, советский пулемет. Это простой по устройству, очень легкий и прочный пулемет. Пулемет рабочего-изобретателя Дегтярева лучше всех известных нам иностранных пулеметов.

Вот сколько пулеметов (ручных и станковых) и пушек имеет сейчас стрелковый полк Красной армии

КОНЬ, ШАШКА, ВИНТОВКА, ПУЛЕМЕТ

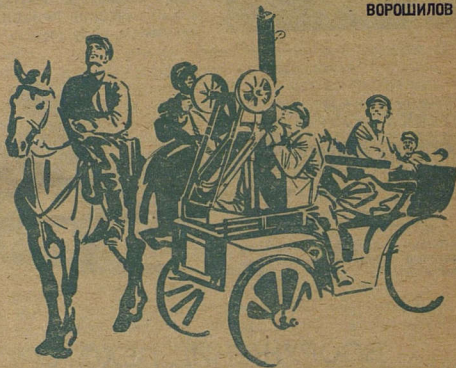
С. М. Буденный

Красная конница отлично владеет конем и сумеет применить не только острую шашку, но винтовки и пулеметы. Пулеметы эти поддержат своим огнем конную атаку, расстроят ряды противника, помешают ему стрелять. Пулеметы дадут коннице мощь и упорство в пешем строю в случае обороны.

Те же пулеметы защитят конницу от воздушного врага, от низко летящих «штурмовиков». Для этого пулемет ставят на «тачанку», как показано на рисунке, и снабжают ее зенитным (кольцевым) прицелом. Такие зенитные пулеметы не позволят безнаказанно летать самолетам противника на высоте до 1000 м (на большей высоте от воздушного врага защищают конницу как и другие войска зенитные пушки).

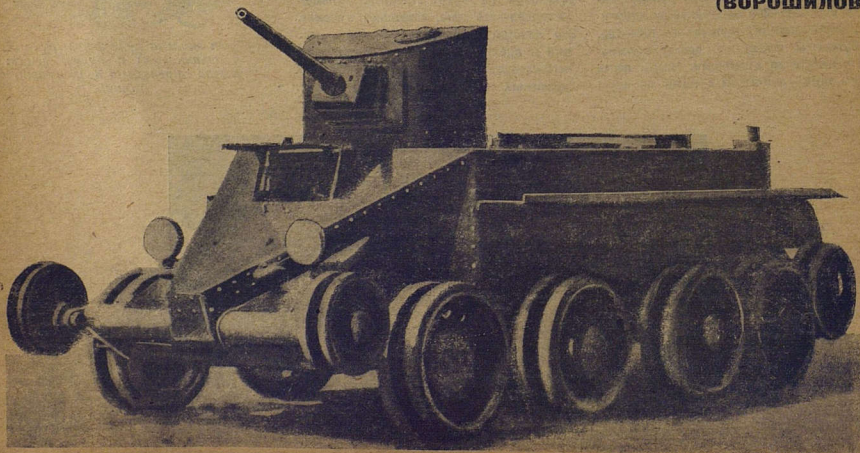
О том, какое значение имели конь, красная конница в гражданской войне, все вы отлично знаете. Но вы должны так же твердо знать, что и сейчас и в будущем нашей армии лошадь потребуется в большом количестве, причем лошадь хорошая, лошадь, которая будет полностью соответствовать тому уровню развития наших вооруженных сил, на котором мы в настоящий момент находимся.

ВОРОШИЛОВ

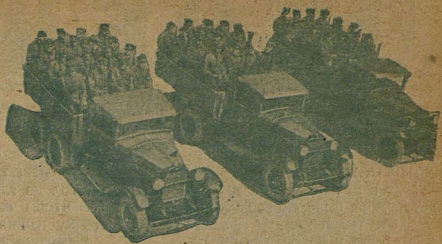
В СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ БУДУТ ДЕЙСТВОВАТЬ МАШИНА И ЧЕЛОВЕК

(ВОРОШИЛОВ)

Колесно-гусеничный танк типа Кристи на колесах (гусеницы сняты)

Двигатель внутреннего сгорания (мотор) позволил создать быстроходный, легкий и мощный транспорт (автомобили и тракторы). Тот же двигатель произвел революцию и в военной технике. Войска теперь и в тылу и на поле боя пользуются всеми видами механического транспорта. Транспорт в десятки раз увеличивает **ПОДВИЖНОСТЬ ВОЙСК** и сберегает силы бойцов для боя. **МОТОРИЗОВАННАЯ ПЕХОТА** на трехосных грузовиках (см. фото справа) может с большой скоростью передвигаться не только по дорогам, но и по полю. **МОТОРИЗОВАННАЯ АРТИЛЛЕРИЯ** быстро движется, повсюду следуя

Но на войне еще гораздо важнее иметь такую самоходную повозку, которая могла бы непосредственно участвовать в бою, с которой можно находу вести стрельбу и быть самому закрытым прочной стальной броней. Такие **БОЕВЫЕ БРОНИРОВАННЫЕ МАШИНЫ**—броневые автомобили и особенно **ТАНКИ**—будут теперь на войне участвовать тысячами.

Гусеницы позволяют танкам двигаться не только по полю (без дорог), но и переходить без труда окопы, ямы, рывины. Тяжесть и мощный мотор танков позволяют им проходить сквозь молодой, не очень густой лес. На фотографии (слева) показано, как наш танк валит деревья, чтобы расчистить себе дорогу. Но гусеницы имеют и недостатки. Один из них—меньшая скорость хода машины на гусенице чем на колесах. Поэтому некоторые новейшие танки делают колесно-гусеничными. Такой танк (см. фотографию внизу на стр. 10) может двигаться по дороге на колесах со скоростью до 100 км в час. Тот же танк может двигаться и на гусеницах. Они легко (в несколько секунд) одеваются на его колеса. На гусеницах такой танк легко валит деревья, а по полю может развить скорость до 60—65 км в час.

Колесно-гусеничный танк типа Кристли на гусеницах

за пехотой и конницей. Такая артиллерия может использовать в бою самые тяжелые и мощные орудия и даже такие, которые раньше можно было перевозить только по железной дороге. На снимке (внизу) очень тяжелое наше орудие, у которого для увеличения проходимости колеса заменены гусеницами. Янет его сильный гусеничный трактор.

Моторизованная артиллерия

ПЕРЕКОП

В. Залевский

Ноябрь 1920 г. был месяцем наречности холодам.

Уже в начале месяца вода Азовского моря была скована льдом.

В эти памятные дни Красная армия стояла у порога Крыма, где заседал генерал Врангель, — последний оплот мировой буржуазии.

Узкий Перекопский перешеек, весь опутанный колючей проволокой, под защитой тяжелых орудий и пулеметов врага представлял путь славным боям нашей армии.

Если бы мы в то время располагали такой богатой военной техникой, какую имеем сейчас, враг был бы сломлен быстро, и без тяжелых для нас потерь.

Но тогда наша армия была бедна, а главное, она не имела танков, при помощи которых можно сделать широкие проходы в проволочных заграждениях для наступающей вслед за ними пехоты.

Но добить злейшего врага рабочего класса было важнейшей задачей партии и всей страны.

По указанию т. Ленина, в крымскую группу войск были выделены лучшие коммунисты во главе с т. Сталиным. Командование войсками возглавлял т. Фрунзе, старый большевик, испытанный полководец.

Прибытие на фронт т. Фрунзе еще больше подняло дух красных войск. С 3 ноября стали активно готовиться к сокрушительному штурму вражеских позиций.

Сильный западный ветер, подувший внезапно, гнал воды Симаша на восток, благодаря чему уровень воды в Симаше сильно понизился настолько, что стала возможна переправа пехоты и конницы в брод.

Фрунзе решил использовать обстановку и приказал 15-й дивизии переправиться ночью в брод, с тем чтобы, заняв Литовский полуостров, угрожать с тыла войскам противника.

Ночью поднялся густой туман. Весь боевой плацдарм неустанно лизали широкие языки прожекторов врага. Тем не менее, несмотря на близость врага и беспрепятственность его огня, бойцы 15-й дивизии брели смело, местами по снегу, в студеную воду.

Критический момент приближался.

Нужно было спешно использовать успех, так как Врангель подтянул из глубины своего тыла, с тем чтобы сбросить в море горсточку наших храбрцев.

Единственным выходом была атака в лоб перекопских позиций, на которых враг уже был частично ослаблен действиями 15-й дивизии на фланге.

51-й дивизион, получившей впоследствии название Перекопской, командовал т. Блюхер, прекрасный полководец, сейчас широко известный трудящимся СССР как командарм Дальневосточной армии.

Слева от него, прямо на Чонгарский мост, наступал 30-й дивизион под командованием т. Гризюкова.

Уже два дня части 15-й дивизии не выходили из боя. Глубокий брод не позволял доставлять с берега пищу. Бойцы и командармы мужественно переносили голод и лишения, борясь как львы с превосходящими силами противника.

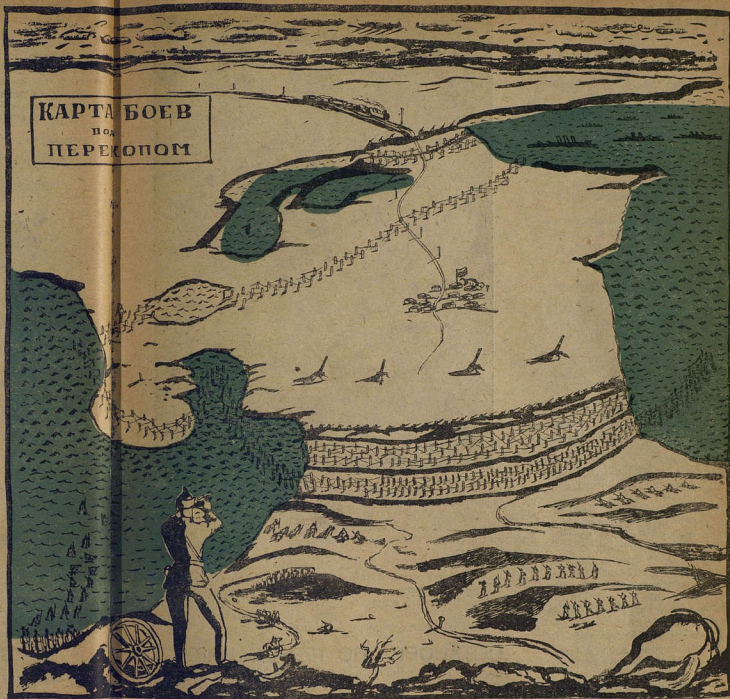
Кроме того в залов стала прибывать вода. Это грозило полным отрывом 15-й дивизии от своих войск. Нужна была немедленная помощь.

Тов. Фрунзе в ночь на 11 ноября назначил генеральный штурм перекопских позиций. Под огнем противника с берега пошла т. Фрунзе вселая в сердца бойцов и командиров неоскрушимую веру в победу.

Начался штурм. Под личным руководством т. Блюхера бойцы лавиной пошли на проволоку, неся огромные потери. Спешно сорвавшему на своих участках, обе дивизии старались раньше захватить позиции врага. Ярость против классового врага победила. Перекоп был взят штурмом, и вслед за пехотой, расчищенной путь буенновской коннице, конная армия во главе с тт. Воронцовыми и Буенными ворвалась на плечах противника в широкие пространства степей Крыма.

Жалкие остатки разбитого врага, преследуемые легкой красной конницей, бежали без оглядки, стараясь поспеть на отходящие суда и транспорты.

Такова одна из славных побед Красной армии над врагами рабочего класса.

Взгляните на карту

Перед вами Перекопский перешеек. Командир 51-й дивизии наблюдательного пункта следит в бинокль за действиями своих частей противника.

Части 15-й дивизии начинают переправу в брод с тем, чтобы, заняв Литовский полуостров, выйти с тыла к проволочной защите врага.

51-я дивизия собирает перед штурмом проволочных заграждений, стараясь незаметно подойти к проволоке возможно ближе. На переднем

плано красноармейцы идут, прикрывая от взоров врага песчаными холмами.

В стане врага грозное ожидание. Все люди спрятаны в окопах за первой, второй и третьей линиями проволочных заграждений.

Видны пулеметы и пушки противника. Их очень много. От порга Генрича идут импретиальские суда, чтобы артиллерийским огнем с моря помочь беглым отступить нашу атаку. Вдали виден поезд, в котором следуют подкрепления белых.

ПРЫЖОК С НЕБА

В. Сидорова

Волновался я больше всего у врача. Разрешит или нет? К прыжкам с парашютом допускают безукоризненно здоровых людей. Я здоров, но успокоился только тогда, когда на моей карточке была поставлена короткая резолюция: годен.

В один из ясных майских дней я был на аэродроме. Внезапно мне объявили: сегодня прыгаете. А через несколько минут Мошковский приказал:

— Оденьте на т. Сидорова парашют.

Итак, прыгаю! Шестьсот метров — не шутка. Хочется не волноваться, но сердце постукивает чаще чем нужно.

Прыгать буду с маленького двухместного самолета У-2. Я сажусь в машину, стараясь поудобнее устроиться в тесной кабине.

Делая ровные круги, набираю высоту. Смотрю на стрелку альтиметра: она медленно передвигается... 400... 500... 550... 600 м. Стрелка замерла.

Идем в последний заход. Самолет сбавляет газ, гул мотора становится глуше.

Летчик смотрит вниз, ища место, где удобнее сбрасывать. Он трогает меня за плечо. Хочешь, не хочешь — надо вылезать.

Становлюсь на сиденье, подтягиваюсь на руках и медленно переносю за борт сначала левую, а потом правую ногу.

Я на крыле. Ветер бьет в лицо и может сорвать меня.

Крепко держась за борт кабины, делаю шаг к кромке крыла и, встав на краю правой ногой, левую переносу на подножку.

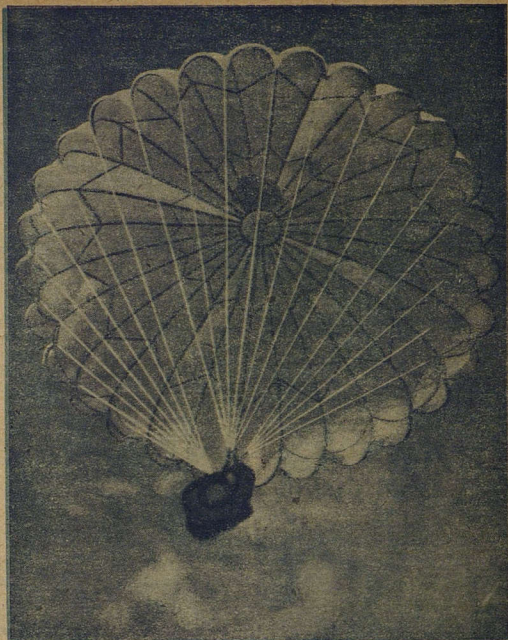
Рука крепче сжимает борт, опускаю правую и беру ее за вытяжное кольцо. Жду команды. Летчик, комсомолец Балашов, смотрит вниз и улыбаясь кивает головой:

— Прыгай!

Делаю над собой усилие и, разжав руку соскальзываю с крыла... Свист в ушах, в глазах прыщет, захватило дыхание... Иду на голову (вниз головой).

Наотмашь дергаю рукой и вырываю кольцо. Рывок!

Меня бросило вправо, потом влево, и я принимаю нормальное положение.

Смотрю вверх: натянутые стропы соединяют меня с гладким шелковым зонтиком в 58 кв. м.

Сдвигаю лямки ножных обхватов к коленям и сажусь, как в очень удобном кресле.

Земля «бежит на меня». Люди и машины с каждой секундой становятся больше. Снижение идет с нормальной скоростью 5 метров в секунду.

Чтобы ослабить толчок, сжимаю

ноги вместе, чуть-чуть подтягиваюсь на стропях и, легко коснувшись земли, падаю на бок. Меня протаскивает метра полтора, и шолоковый купол осторожно ложится на землю.

Я свертываю парашют и, вставив на плечи эту послушную в воздухе и непослушную на земле, постоянно рассыпающуюся у меня в руках груду шолка, направляюсь к старту. Это был мой первый прыжок.

„ОСТАНОВКА ПО ТРЕБОВАНИЮ“

До сих пор парашютами пользовались, главным образом, во время воздушных катастроф, но с каждым годом его применяют все чаще и чаще и не при авариях. Нужно сбросить с самолета на землю почту, груз, и это можно сделать в любом месте при помощи парашюта. И очень недалеко, очевидно, то время, когда огромная, разбросанная по всем необъятным просторам Советского союза сеть аэролиний покроеется точками «остановок по требованию», где пассажир самолета или дирижабля, предположим, летящего из Москвы во Владивосток, сможет при помо-

щи парашюта «сойти на ходу» там, где ему нужно, не производя посадки самолета.

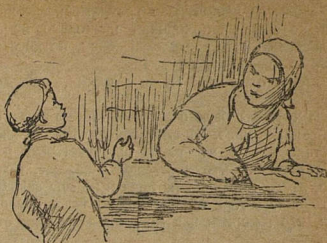
Парашют находит себе все большее и большее применение и уже сейчас используется как средство агитации. В агитэскадрилье им. М.-Горького есть небольшой парашютный отряд из 6 человек первых в СССР журналистов-парашютистов, которые прыгают в глухих уголках Советского союза, там, где самолет не может спуститься из-за отсутствия посадочной площадки, и проводят огромную культурно-просветительную работу среди населения.

СИНИЕ ЗВЕЗДЫ

А. Гайдар

Рис. Ф. Полищук

(Продолжение)

Дома он застал только Любку.

В этот день Кириوشка на улицу решил больше не выходить — опасался, как бы не поколотили.

Но и дома, ему не было скучно. Изба была большая, глухо перегороденная на две половины. В одной жил Салокин, в другой — еще кто-то. За двором начинался вишневый сад. Туда можно было пройти и через ворота за сараем и через маленькую ветхую калитку под темным навесом, возле входа в коровник.

В саду кроме вишен росла густая пушистая верба. А в сторонке, за вербами, стояла пахнущая смолою и дымом старая черная баня.

Заглянул Кириوشка и в баню. Там было полутемно и сыро.

У маленького закоптелого окошка в предбаннике пригретая сквозь стекло весенним солнцем тихо бабахалась крупная лимонножелтая бабочка.

Обрадованный Кириوشка вынес ее в сад, открыл ладонь, и бабочка тяжело вспорхнула, сверкая на солнце как настоящая золотая. Но не успела она подняться над вишнями, как с пушистой вербы сорвались сразу две пичужки и одна из них, ловко схватив летунью, проворно юркнула в кусты. Сначала Кириوشку очень огорчило это дело, и он схватил с земли камень. Но так как пичужка все равно уже исчезла, то он

сердито швырнул камень в стайку веселых воробьев и утешил себя тем, что эти вредные бабочки жрут капусту, огурцы и еще что-то, и в прошлом году ему самому досталось при дележке новсе червивое яблоко.

Уже к вечеру через сломанный забор Кириوشка выбрался на край неглубокого оврага. Внизу бурлил пенистый ручей. Рядом пролегла уже подсохшая дорога, и по ней бойко катила удаляющаяся от села подвода.

В стороне от дороги виднелась на опушке роши одинокая церковь с маленькой колоколенкой.

— Почему там церковь? — удивился Кириوشка. — Ни села возле нее, ни поселка; даже домика сторожа и то что-то не видно. Вероятно кладбище, — решил он. Но опять-таки и это показалось ему странным: для чего бы кладбищу быть так далеко.

Усталый, Кириوشка присел на пенек и посмотрел на тот край поля, куда опускалось вечернее солнце.

И теперь отчего-то показалось ему широкое поле пустым и печальным, а красноватое солнце — тяжелым и холодным. Он покрепче запахнул пальтишко, сжегил-ся, задумался и притих.

«Отчего это бывает смерть? — глядя на покосившийся крест над колоколенкой и вспомнив отца, подумал Кириوشка. — Ну вот живет человек, живет, и что же от него после смерти останется? Ничего не останется».

И он стал припоминать.

Он вспомнил знакомого заводского кучера Семена Харламова, смерть которому пришла от того, что треснул его в пьяной драке по голове пивной бутылкой.

Потом он вспомнил соседа по квартире — кривую, сердитую бабу Евдокию, смерть которой пришла ни от чего, а просто от старости.

Потом вспомнил монтера Николая Николаева, который погиб во время прошлогоднего наводнения, когда, бросившись в воду, он доплыл до столба и перекусил кусачками какие-то провода, чтобы не случилось какого-то замыкания и не испортилась какая-то нужная машина.

И вспомнив, отчего пришли эти три знакомые ему смерти, Кириوشка задумался над тем, что же от каждой смерти осталось?

И тогда он вспомнил, что от кучера Харламова осталась в третьем корпусе свободная комната, куда тогда же вехал бригадир-комсомолец Сиваков, который жил раньше в бараке.

От бабки Евдокии остался сын, ряжеботорный мастер из котельного цеха, которому недавно подарили часы и бесплатный трамвайный билет через переднюю площадку.

Кириوشка шел, на ходу заглядывая в незавешенные окна избу.

От Николая Николаева остались та самая нужная машина да чернoglазая трехлетняя девчонка Нинелька, которая на похоронах несколько не плакала и свалила со стола красивый венок, потянув его за широкую красную ленту.

«А от отца что? Ну, я остался», — подумал Кириушка.

И хотя это было бесспорно так, но этого показалось Кириушке мало. И ему захотелось, чтобы от отца осталось еще что-то. И он чувствовал и знал, что осталось еще что-то нужное и важное. Но что именно, этого Кириушка не знал и не мог сказать, потому что сквозь горе и слезы плохо тогда слышал и понимал он, что говорили над могилой товарищи отца и ораторы.

Крупная слеза скользнула по его щеке. И, вероятно, Кириушка опять, как в тот раз в проходной будке, горько и безудержно расплакался бы. Но тут из-за поворота послышался топот, и перед Кириушкой оказался верховой.

— Эй ты, пионер! — гаркнул всадник запыхавшимся и сердитым басом. — Ты давно тут сидишь?

— Давно, — с удивлением, но без испуга ответил Кириушка, узнавая в этом толстом рыжем человеке того самого, который так беспокоился на берегу и так громко орал, чтобы давали лодку.

— Не видал ты, не проезжала ли по этой дороге — чтобы у ней колеса поскрежились — парная подвода?

— Проехала, — ответил Кириушка.

— Лошади серые?

— Серые, — подтвердил Кириушка. — Только давно проехала и должно быть теперь уже далеко.

— Вон они куда, — пробормотал рыжий и подстегнул коня.

— Эй ты, пионер! — крикнул он опять, останавливаясь. — Поди сюда! Вот что: беги к Еремееву и скажи, что я поспекал догонять подводу на Куракино. Коли догони в Куракине, то вернись скоро, а коли не догони в Куракине, то вернись, когда догони. Понял? Да смотри, передай, а не то я рассержусь, — предупредил он, дергая повод и пускаясь вскачь.

Конь затопал, а Кириушка, у которого разом вылетели все печальные мысли о кладбище и о смерти, остался в сильном недоумении.

Во-первых, он совсем не знал, кто такой этот Еремеев и где его искать.

Во-вторых, он не успел спросить, от кого надо передать.

А в-третьих, он же решил сегодня не выходить на улицу, опасаясь, как бы его не вздули за утрешнее.

Он постоял, покрутился, но приказание рыжебородого было слишком твердым. Да и самому Кириушке уже надоело торчать весь день в саду. И он решил выполнить поручение, но сначала забежать в избу и спросить у Калюкихи, кто же этот Еремеев и где он живет.

★

Но Калюкиха ушла к соседке, и дома он застал только Любку. Эта здоровенная Любка сидела у стола и, неуклюже воруя карандашом по тетрадке, высчитывала вслух кормовые нормы на скотину.

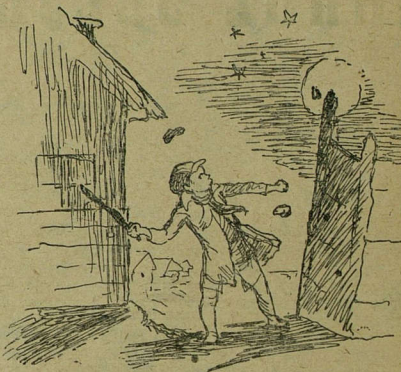
— Значит, — бормотала она, — еще надо прибавить 19 килограммов отрубей, 7 килограммов жмыха... 19 да семь это будет... будет 26. Да 11 турнепсу, да 21 картофелю... Господи! Куда же это? Обожраться, что ли? 11 да 21 это будет... 10 да 21 будет 31 да еще 1 — будет 32. И значит, если теперь сложить 32 и 26...

— Любка, — перебил ее Кириушка, увидав, что эта арифметика, кажется, затянется надолго. — Скажи

мне, пожалуйста, где это у вас на селе живет такой человек Еремеев?

— Отстань, — не глядя, ответила Любка... — 32 да 26. Вот еще, сбил только. Вдь пока, Кириушка, побегай на улице.

— 32 да 26 это будет 58, — подсказал ей Кириушка. — Сейчас уйду. Ты только скажи, Любка.

Кем-то ловко брошенный комок угодил Кириушке прямо в спину.

— Ну, верно — 58, — согласилась Любка. — Еремеев Михайло, это на оврачках. Старик такой... блаженной. Он раньше в церкви псаломщиком был. Да как-то с колокольной пьяный свалился и с той поры вроде как бы не в своем уме.

— Любка, — постояв немного, спросил озадаченный Кириушка. — А нет ли какого-нибудь другого, чтобы не с колокольной... и в своем уме?

— Такого другого нет, — коротко отрезала Любка. — Такой другой есть только Семен Павлович Еремеев. Так это не наш деревенский, а помощник директора тракторной станции.

— Вот он-то, должно быть, и нужен мне, — укоризненно сказал Кириушка. — А ты мне какого-то — с колокольной. Эх, ты! А еще комсомолка. Любка, — продолжал он, — а ты мне знаешь ли, кто это такой рыжий?

— Какой еще рыжий? — рассердилась Любка. — Уйди ты от меня или я сама за тобой дверь захлопну.

— Ну, какой? Рыжий, здоровый, верхом на лошади.

— Еще что... Рыжий! Моло ли у нас рыжих? Сед рыжий на лошадь, вот тебе и верхом. Слез — вот тебе и пешком. Тоже спрашивает как дурак. А еще пионер.

— Ладно, корова, я тебе приятно, — подумал Кириушка и выбежал во двор.

★

В конторе, кроме самого Еремеева, Кириушка застал Матвея Калюкина и Александра Моисеевича Сулина. То и дело хлопала дверь: подходили все новые и новые люди.

Еремеев показывал очевидно только недавно полученную телеграмму.

Что было в той телеграмме, Кириушка, конечно, не мог знать. Но он сразу же догадался, что телеграмма

эта хорошая, веселая, потому что, прочитав ее, одни радостно восклицали: «Го!», другие: «Га!», а некоторые хотя и ничего не восклицали и даже начинали ругаться, что, дескать, давно бы пора, но Кирюшка видел, что рады они и сами не меньше других.

— Тебя зачем принесло? — спросил Матвей у Кирюшки.

— Рыжий прислал, — буркнул Кирюшка. И, протискиваясь к столу, одно слово в слово пересказал то, что ему было приказано.

— Молодец Бабурин, — похвалил рыжего Еремеев, и, обратившись к Матвею, он спросил:

— А это кто? Твой сын, что ли?

— Та-к... племянник, — сурово соврал и тотчас покраснел Матвей, которому и неохота, да и не время сейчас было объяснять, как и почему попал с ним Кирюшка в деревню. И, приказав Кирюшке бежать домой, Матвей быстро перевел разговор на то, что для ремонта борон на складе нет двухдвоймового железа, да и шинного тоже только-только на три дня работы.

— Читал телеграмму? — успокоил Еремеев. — Теперь все получим. Пошлем на приемку Калюкина, да ты и сам поезжай.

— Мне нельзя, — отказался Матвей, — мне кузню налаживать надо. Водой сегодня все переворотило.

— Ну тогда пусть Сулин поедет. Он, говорят, человек здешний, бывалый. Его не проведешь?

— Меня не проведешь, — согласился Сулин. — А на приемке они, поди-ка, всю заваль всучить нам попробуют.

— Зачем заваль? — обиделся Калюкин. — Что же они жулики, что ли?

— Кто сказал, жулики? — удивился Сулин. — А доведись до тебя, неужели ты бы им получше отдал, а себе похуже оставил?..

— Я бы по совести, — убежденно ответил Калюкин. — Что у нас для государства, то и у них для того же.

Конечно, если по совести... — усмехнулся Сулин. И, хлопнув Калюкина по плечу, он сказал добродушно и снисходительно: — Совесть что! Так... культурное слово. А вот насчет государства, это ты как раз в самую точку.

Когда Кирюшка выбежал на улицу, то крепко удивили его луна и звезды. Звезды — еще туда-сюда. Но такой большой, сверкающей луны в городе он не видал никогда.

Пока он раздумывал, как это так и почему, сам того не заметив, он очутился на незнакомой кривой улочке, возле шаткого мостика. Но воротаться назад, в гору, ему не захотелось, и он пошел через мостик, рассчитывая свернуть где-нибудь влево.

Шел он не торопясь, на ходу заглядывая в незавешенные окна старых изб.

Через одно окно он мельком разглядел худую бабу, которая кормила толстого горластого дитенка.

В другой избе он увидел, как два бородатых мужика укоряют в чем-то один другого, а третий, лысый, пьет чай и читает газету.

Потом — седую бабу и пятнистого теленка.

Потом — красивую девку, которая сразу делала три дела: качала ногой люльку, вязала чулок и слушала через наушники радио.

Потом еще издалека услышал он рев и подивился на то, как сердитый дядек дерет ремнем какого-то вертялого черного парнишку.

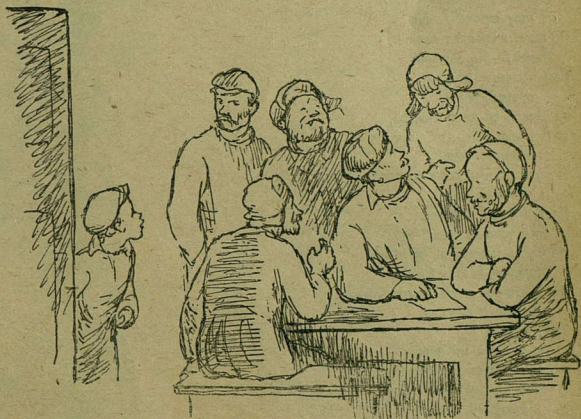
И, вероятно, много еще интересного рассматривал бы Кирюшка на своем пути, если бы кем-то ловко брошенный комок глины не угодил ему прямо в спину.

В страхе отпрыгнул Кирюшка, обернулся, но никого не заметил.

Он хотел было пуниться наутек, но здесь уличка кончалась тупиком. Справа зияли черные дыры проломанных заборов, торчал сарай без крыши и валялся телега без колес. Слева скрипела распахнутая калитка, за которой что-то мычало, что-то рычало, — в общем плохо было дело... Второй ком глины шлепнулся о доски где-то совсем рядом, и Кирюшка понял, что неизвестный враг прячется в темной нише, у ворот, напротив.

Тогда, увидав, что деваться некуда, перепуганный Кирюшка схватил увесистый булыжник и изо всех сил запустил им в ворота. Потом ему попала под руки мокрая чурка, потом суковатая палка, — все это полетело туда же.

И почти тотчас же из темноты раздался жалобный

— Рыжий прислал, — буркнул Кирюшка.

вой. Очевидно, палка крепко ударила по невидимой цели.

Но этот вой еще больше испугал Кирюшку, особенно после того как хлопнула дверь и кто-то, встревоженный ударом булыжника, грозно спросил, отчего стук и крик.

Тогда, не дожидаясь, как оно будет дальше, Кирюшка юркнул в дыру забора, и, спотыкаясь о кочки, цепляясь за колючки, он проворно полез куда-то в гору.

(Продолжение следует)

БАЛЛАДЫ О СНАЙПЕРАХ

С. Болотин

Рис. М. Родионова

Сибирский снайпер

Сибирский день встает серо.
В лесу еловом—тишь...
По ветнам прыгает зверок.
Какой?—Не различишь!
Как снежный ком,—
вперед, назад,
то вверх, то вниз стрелой,
и так мелькает, что в глазах
становится бело!
И вдруг на миг затих прыжок,
и щелкает орех...
Да это белка бережет
свой теплый серый мех.
Напрасно прыгаешь, дружок!
Стальная смерть близка.
Твой птичий взлет прервет ружье
сибирского стрелна.
Твой мех,—
ты сколько ни пляши,—
пойдет в Париж, в Нью-Йорк,
и купит нужных нам машин
на выручку Госторг.
И белка сначит вниз и вверх,
ей хвост—взамен руля!
Неловкий выстрел сгубит мех,
Ну как в нее стрелять?
Опасность шкурне и хвосту,
испортит пуля класс.
Но снайпер тот, кто налету
стреляет белку в глаз.
Но снайпер тот, кто,—
хоть рванись!
хоть молнией сверкай!—
дробинкой в глаз
сбивает вниз
летучего зверка.

Шотландский снайпер

Подняв вершины в небеса,
начнутся дубы.
Шумят шотландские леса,
рассказывают бить.
Шуршат колосьями поля,
их ветры шевелят,
и хлеб, и лес, и вся земля—
богатство короля.
Он их милордам передал —
хранить его добро.
За каждый колос феодал
с крестьян берет оброк.
Но наша вольность все жива!
Она в леса ушла.
Звени, тугая тетива,
лети, моя стрела!
Пусть королевские стрелки,
как лани, пробегут,
стрелю снайперской руки
сразит их Робин Гуд.
Его дубравы стерегут.
В глуши лесных дорог
шотландский снайпер Робин Гуд
затрубит в звонкий рог.
Баронов гордых этот рог
бросает в смертный страх.
Король, милорды!
Близок срок
веселого костра!
Дворцы сгорят горой угля
от факелов стрелна,
и хлеб, и лес, и вся земля
вернутся беднякам.

Китайский

снайпер

Горит расстрелянный Чапей.

Борьба к концу идет.

Винтовок залпы все окупой,
все реже пулемет.

Сквозь дым краснеет шар луны,
и ветер искры вьет.

По переулку, вдоль стены,
идет

японский взвод.

Идут.

Все тихо впереди.

Вдруг выстрел прозвучал.

Без звука падает один,
сраженный наповал.

Японцы стали.

Сломан строй.

Но выстрел вновь гремит.

И молча падает второй,
как молнией убит.

Еще... Еще...

Спасая жизнь,

Они назад бегут.

Им офицер кричит:

— Ложись!

Но и ланчачи бьют!

На чердаке, забившись в щель,

китаец сжал наган,
спонойно выбирая цель,

на выбор бьет врага.

И но дрожит его рука,

и ей послушна сталь,
как будто снова у станка
он делает деталь.

Наган, как острая игла,
свинцовой ниткой шьет,
и снайпер в цель, прищулив глаз,
за пулей пулю шлет.

За нули, гибнущих в порту,

за проданных детей,

за голод, рабство, нищету
свинцовый град летел.

Китаец знает: позади
его отряд—уйдет.

Ну что ж!

Зато он смог один
отбросить целый взвод!

А точный, снайперский прицел
друзьям уйти помог...

Вдруг громко вскрикнул офицер,
он увидел дымок.

Японский взвод вбегает в дом,
враг не уйдет теперь!—

трещит под крепким сапогом
затворная дверь.

Кричат, все входы окружив:

«Сдавайся, большевик!

— Бросай оружие,—будешь жив!

А нет,—возьмем на штыки!»

Его ответ гремуч и скор:
свалился командир.

Боец в последний раз в упор
оружье разрядил.

Враги ворвались.

Топот. Крик.

Свирепо бьют штыки.

Китайский снайпер в тот же миг
растерзан на куски.

Поднялось солнце по утра.

Рассветный луч дрожал.

Никто б не мог узнать,
чей труп
растерзан здесь лежал.

Но будет память о бойце
по всей земле ходить,

но снайпер — тот,

кто видит цель

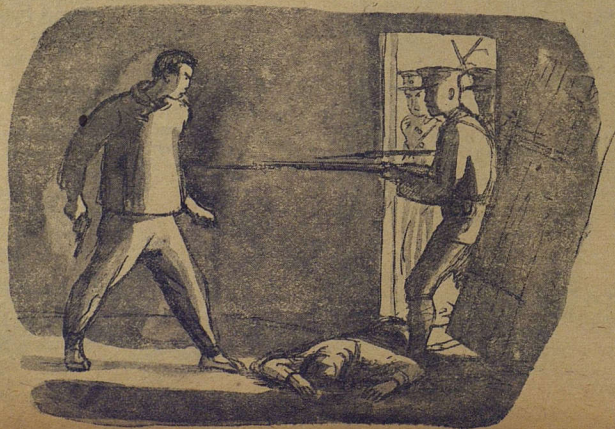
далеко впереди,

но этот снайпер стойко шел,

он отдал подвиг свой

тебе и мне и всей большой

Коммуна мировой.

Советский

снайпер

(Песня)

Бандитских пуль свинцовый щелк
носился по полям.
Советский полк, стрелковый полк
шагал сквозь гаюлян.

Колонны скрылись за холмом,
орлы в выси кружат,
А на посту сторожевом
два снайпера лежат.

Припев: Нередкие,
сверхметкие,
по всем полкам
шагнули мы,
и если враг неистовый
границы прорвал,
мы выстрелами
быстрыми,
мы снайперскими пулями
ссви-исст! Трах! В лоб! Влёт!
навылет — наповал!

Замаскированы в кустах,
глядят в две пары глаз.

Дорога пыльная пуста
перед ними разлеглась.
Идет негромкий разговор,
и вдруг секрет затих.
Вдоль сопки вражеский дозор
крадется мимо них.

Враги идут вдесятером,
а наши говорят:
— Пускай же ни один патрон
мы не истратим зря.
И словно дунул ураган
от пуль сторожевых:
Упали мертвых два врага
и семеро живых.

И офицер сказал стрелкам:
— Я в красную звезду
На сто шагов наверняка,
не целаясь, попаду.
Он приподнялся, щури глаз,
он вскинул карабин,
Но пуля в лоб ему впилась,
и час его пробил.

Бандитам был уже знаком
полученный урок.
Они бочком, ничком, ползком
пустились наутек.
Беги, враги, не напирай
на красные поля.
Умеют наши снайпера
без промаха стрелять!

ХОРОШИЙ ОТДЫХ ПОСЛЕ ХОРОШЕЙ РАБОТЫ

Очерк Е. Рубцовой

Вместо вступления

Попробуем поиграть в загадки.

— Не снегирь, а шейка красная. Кто это?

— Что такое «Писк»??

— Почему нельзя писать на настольной бумаге?

Разгадку вы узнаете, когда прочтете до конца.

Товарищ начальник

Крыса проворно взбирается по стенке ящика, который стоит в углу, у стола. Это не простой ящик, это ее дом. Это не простая крыса, у нее белая как снег шерстка и смородино-красные глаза.

Она идет на зов. Вылезла из ящичка. Доверчиво ткнулась мордочкой в протянутую ладонь. Поползла по защитному рукаву и устроилась на шею, рядом с малиновыми петлицами военной гимнастерки.

Человек в гимнастерке сидит за столом. У него строгое, решительное лицо командира и веселые глаза. Это товарищ Тимме.

— Стольцер, назначаю тебя дежурным по станции. Надень противогаз, расставь дневальные...

— Есть, товарищ начальник.

Стольцер метнулся к дверям.

— Стой! Я еще не отпустил тебя. Надо дослушивать приказание до конца. Распорядись, чтобы к прихо-

...Гурьбой катались на катке

Докладывают, спрашивают, спешат.

Работа детской военной станции началась.

Кеншки в углу

Они сложены аккуратно, и все же получилась большая горка. Она заняла весь правый угол штаба.

Это осталось от зимнего лагерного сбора военной станции. В январе, во время каникул, вместо обычной военной учебы на станции ребята учились хорошо отдыхать: уходили с утра на лыжах и часами гонялись в снежных просторах Петровского парка; гурьбой катались на катке, устраивали регулярные налеты на театры, на кино; сражались в шахматы в «тихой комнате».

Вкусно и сытно кормились в столовой соседней школы и возвращались по домам только вечером, усталые от хорошей, здоровой усталости, чтобы крепко уснуть.

А теперь вернемся к загадкам.

Вы думаете, что «Писк» имеет какое-нибудь отношение к мышам, котяткам и прочей мелочи звериного царства? Ничуть. На стене висят пять «Писков».

Это веселая стенгазета лагеря.

Она пестрит карикатурами, стихами, шутками.

«Не снегирь, а шейка красная — это пионер. Загадку придумали сами ребята, и она красуется в «Писке».

Всех, конечно, удивляет смешное название этой газеты. — А у нее серьезный смысл:

«Пионеры — смена комсомола».

Кроме «Писка» лагерь выпускал еще две газеты: общую лагерную и ежедневную газету дежурного звена.

Десять дней лагеря — хороший отдых после хорошей работы

Говорят по секрету, что при закрытии кой-кто из девочек даже всплакнул.

Пожар, горим!

Ребята спокойно сидели на занятиях кружков, когда вдруг раздался сигнал пожарной тревоги.

В разных комнатах ребята действовали не сговариваясь, но одинаково. Быстро построились, надели противогазы, разобрали огнетушители и... не знали, куда идти, где тушить.

Пожара не было. Сигнал дал товарищ Тимме и спокойно смотрел, что будут делать ребята. Когда тревога кончилась, был созван экстренный совет станции, и на нем обсудили подробно все случившееся, разобрали ошибки. Выработали план на случай настоящей тревоги.

Внезапные нападения, тревоги учат ребят стойкости, спокойствию, умению быстро действовать, быть находчивыми в опасности.

Мелочи

Телефонный звонок. Пионер берет трубку.

— Военная станция.

— У телефона Чубаев.

— Минкину? Я передам ему

— Да. Скажите номер вашего телефона. Боря берет карандаш и нагибается к столу. Но Тимме говорит:

— Стоп! Никогда не пиши на настольной бумаге!

Это не простая аккуратность. Ребята должны знать, что записанные на долгие цифры, адрес, фамилия могут попасть в руки врага, шпиона и раскрыть секретные сведения.

Случай на границе

Дело было под утро, задолго до того часа, когда занимается холодный зимний рассвет. В тишине раздались выстрелы. Вожатый с собакой и два красноармейца, стоявшие в «секрете», отползли к первому посту. Пост стал отстреливаться.

Нападение на пост номер один

...В снежных просторах Петровского парка..

ду ребят все комнаты были в полном порядке.

— Слушаю, товарищ начальник.

— Можешь идти.

Крыса попрежнему сидит на плече, но товарищ Тимме уже забыл про нее.

Ребята в галстуках и без них, вихрастые и причесанные, веселые и серьезные приходят к его столу за приказанием, за советом, за «нахлбучкой».

вели из рощи «Клины» шесть человек неприятелей. Пулеметчик под прикрытием пулемета засел на одиноком дереве. Одновременно из рощи «Гвоздь» был атакован второй пост.

В разгар нападения второе отделение пришло на пост номер два, а первое на пост номер один — на площадке отстреливавшимся красноармейцам.

И все это было на Васильевской улице, в доме № 13.

Военная станция включилась во всеобщую военно-тактическую игру по радио. Тема: служба караула. Ребята решают серьезную задачу, рассчитанную на взрослого бойца Красной армии. Пионеры-бойцы первого и второго отделений военной станции по карте разбирают положение. Это они пришли в подкрепление сторожевым постам и заставили врага отступить.

Ребята серьезно учатся. Они будут военными пионербазами, организаторами групп противовоздушной обороны в школах, инструкторами авиомодельных кружков. У ребят организована слесарня, духовой оркестр, сейчас «рождается» кружок свистов.

Больные

— У нас всегда есть три-четыре человека, которых нам присылают на исправление. Это наши «больные». Мы лечим их крепкой дисциплиной и работой, которая их интересует, — говорит товарищ Тимме.

— Товарищ начальник, Карасев опять не слушается: ему говоришь, а он дерется, прямо, всю работу срывает.

— Позови его сюда.

Через минуту высокий, худощавый и вихрастый мальчик стоит у стола Тимме. Это Карасев. Тимме говорит ему:

— Сегодня на совете вопрос о тебе, Карасев.

Карасев — «дезорганизатор», «нарушитель дисциплины», вечный драчун и бузотер. Но сейчас у него дрожат губы и в его голосе слышны слезы.

Он оправдывается:

— Товарищ Тимме, давайте разберем, а то выгонят со станции.

Главный «грех» — это драки

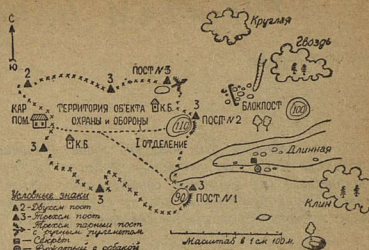
— Товарищ Тимме! Разве я нарочно? Вы думаете, я хотел, чтобы я дрался!

Взволнованный, он не замечает, что сказал чепуху.

— Иди, Карасев. — спокойно говорит Тимме. — Сегодня будет совет.

Карасев — «неисправимый», но он уже любит станцию, а здесь исправили не одного «бузотера».

Карта „боя“ на Васильевской улице

Разговор с наркомом

В штабе станции вдоль стен шеренгой выстроились винтовки, а рядом стоит большое знамя. Знамя бережно завернуто в чехол. На него с гордостью поглядывают не только пионеры станции, но и сам т. Тимме.

Это переходящее знамя Реввоенсовета. Его станция отвоевала на I всесоюзном слете и крепко держит в своих руках.

Недавно ребята ездили с делегацией юных друзей Осоавиахима в Реввоенсовет, к т. Ворошилову, чтобы рассказать ему о своей работе.

говорить с Максимом Горьким, чтобы он написал для ребят хорошую, интересную книжку о гражданской войне. Мы сказали ему, что хотели бы иметь детский значок ворoshiловского стрелка и что взрослые нормы на ворoshiловскую стрельбу очень трудны для ребят, надо бы для нас выработать отдельные, детские нормы. Тов. Ворошилов обещал заняться этим вопросом.

Мы не только разговаривали с ним, мы ему пели, плясали, показывали модели. Тов. Ворошилов много с нами шутил и смеялся.

Но когда мы передавали свои рапорты, Клементий Ефремович сказал: «Хорошо вы работаете, но плохо боретесь с тем, что ребята катаются на

Слово мы даем ребятам:

— Мы 12 января пришли как всегда на станцию, а нам говорят: «Вы поедете завтра к наркомвоенмору т. Ворошилову». Оказывается, нас выбрали делегатами.

Когда мы вечером приехали на Знамя, в Реввоенсовет, нас пустили к Клементию Ефремовичу. Кроме нас было еще много ребят из других городов. Тов. Ворошилов сказал нам, что мы должны изучать историю гражданской войны и обещал нам по

буферах, а это ваше пионерское дело. Я вот недавно был в Турции, там этого нет, а у нас вот сегодня я ехал на машине, а впереди нас шел трамвай; на буфере сидел мальчик, и если бы он сорвался, упал бы под нашу машину».

Пионеры, бойцы военной станции: Боря Киселев, Володя Булин, Ваня Кондратьев.

Мы думаем, что пионеры должны запомнить эти слова Клементия Ефремовича.

ТУТ-ИТАМ НАКОНЕЦ РАССЕРДИЛСЯ

(Продолжение)

Рис. А. Каневского

— Мы победили это возмутительное чудовище,— продолжал Сеня Чувильчиков,— несмотря на то, что оно оказало нам жестокое сопротивление. Этот бесенный Сорокорук показал все, на что он способен, но после жестокого боя мы его связали и привели сюда.

Тут-Итам не выдержал наконец. Его правдивая натура возмутилась. Он порвал веревки и стал трепать храброго Чувильчикова так, как никто никогда его не трепал.

— Вот так именно он и обрабатывал моего друга Сеню,— сказал Яша Мамелюк. Чтобы ребята могли лучше рассмотреть, как свиреп Сорокорук, он не стал вмешиваться в драку и спасать Чувильчикова. Спокойно и бесстрашно Яша стоял рядом.

Но Тут-Итам рассвирепел не на шутку. Кроткий Тут-Итам не выносит слишком большой фантазии. За эту фантазию часто доставалось даже художнику Каневскому, который рисовал Тут-Итама то слишком большим, то слишком маленьким.

То, что произошло в классе, совершенно не поддается описанию, и, как видите, не легко было нарисовать. Каневскому с трудом удалось зарисовать момент прихода учителя Демьяна Касьяновича Образуменко.

— Как сюда попало это мифическое существо?— грозно спросил Демьян Касьянович у затихшего класса.— Вы привели его сюда,— сказал он, обращаясь к Яше Мамелюку и Сене Чувильчикову.— Я знаю вас, отчаянных дезорганизаторов.

Друзья смотрели своими честными глазами прямо в глаза Демьяну Касьяновичу, и Тут-Итам почувствовал, что их ответ не сулит ему ничего хорошего. От испуга душа у него ушла в самый кончик хвоста, а он был крепко зажат рукой грозного учителя. Что-то будет дальше?

(Продолжение следует)

Из школьного журнала. Рис. деткора Пети Филиппова

Мы работаем с журналом „Пионер“

В нашей школе до сих пор существовало 2 кружка: литкружок и литбригада. А сейчас они соединились, образовав довольно крупный и сильный литкружок. В нем 40 постоянных активных слушателей. Кружком руководят два преподавателя русского и украинского языков. Мы уже проработали роман украинского писателя А. Головка «Мать» («Мать») и кончаем третью книгу «Брусков» Панферова — «Твердой поступью».

Кроме того мы обсуждаем каждый номер «Пионера». Особенно хорошо обсудили 21—22-й номер журнала. Больше всего ребятам понравились очерки «Зимний двор» и «Мы входим в пустыню». Читаются они легко и описывают интересные события. Неплохо составлена и карта «Большевистская география». Мы ее вывесили в пионерском клубе, а некоторые ребята использовали ее на уроках экономики. Рисунки и фото в общем неплохие, но ребята говорят, что оформление журнала должно быть еще лучше.

Вырезки из журнала («Кабинет доктора Звенового», «Тут-Итам», «Научная газета» и др.) мы вывешиваем в стенгазете «Пионер на стене».

Кроме того мы устроили уголок журнала, где вывесили такие плакаты:

«Каждый школьник и пионер должен читать журнал «Пионер», «В «Пионере» ты узнаешь о дозорных урожаях», «Пионер» напишет метко о гигантах пятилетки», «Пионер» и скуке враг», «Прочитайка, детвора, как в журнале неспроста появились «Тут-Итам» и т. д.

Мы завели связь с деткорами г. Житомира, и по нашей инициативе там организована литбригада журнала «Пионер».

Журнал регулярно используют в своей работе звенья Тамары Коптевой, Веры Цируликовой и Нюси Бидерман. Они прорабатывают «Кабинет Звенового» и другие материалы.

Везде, где только можно, мы агитируем за журнал «Пионер». И когда т. Магненко прислала мне листовку журнала, я в тот же день их распространил на пионерском слете и рассказал ребятам о журнале. Это было 23 декабря.

Теперь даже руководители кружка, педагоги, тоже выписали журнал.

— Очень интересный журнал,— говорит Т. Г. Берендеева, преподавательница русского языка.

С III квартала во всех пионерских отрядах (а у нас их 14, где 1 000 пионеров) начнут работать уполномоченные по подписке на журнал.

Один у нас недостаток, который засел у нас в школе вообще,— очень туго ребята освещают свою работу. Но все же постараюсь их раскачать.

29 декабря я еду с ребятами в Макеевку. Там мы проведем обмен опытом по работе с журналом «Пионер».

Да! Вот за час перед тем, как начать письмо, я зашел в киоск и увидел только что полученный номер 23-й. Я сразу узнал старого знакомого на обложке, а продавец газет, удивленно посмотрев на него, спросил:

— Что это за чорт нарисован? Сроду не видел такого! Я рассмеялся и познакомил его с знаменитым Тут-Итамом.

С товарищеским приветом ваш
деткор ВЛАДИМИР РУДИМ

В МАРТЕ ЖУРНАЛ „ПИОНЕР“ ПРАЗДНУЕТ СВОЙ ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ. К ЮБИЛЕЮ ЖУРНАЛ „ПИОНЕР“ ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ ШКОЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ.

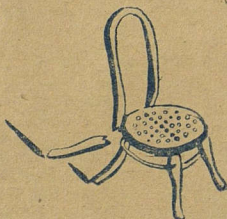
К ДЕСЯТИЛЕТИЮ „ПИОНЕРА“ СОЗДАДИМ ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ „ПИОНЕРОВ“ В ШКОЛАХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

КТО ЗА, КТО ПРОТИВ?

Школьник Дубровский попросил слова. Он просит, чтобы редакция защитила его. Но если защищать, то уж всем коллективом — с деткорами, с читателями на страницах журнала. Потом, защищать надо, подумавши, стоит ли защищать? Может быть он и не такой уж ягненок, как пишете?

Мы просим выступить читателей и сделать так: письма читателей в защиту Дубровского будем печатать на левой стороне, обвинения — на правой стороне листа.

Ждем писем от пионеров и непионеров, от лучших ударников и от бузотеров, от активистов и от неактивных ребят. Кто за, кто против?

Я НАКОНЕЦ ПРОШУ СЛОВА

Я пишу вам в редакцию письмо, чтобы меня перестали всюду каким-то бандитом выставлять.

В школе меня бузотером считают. Учителя на всех уроках замечания делают. На собраниях обо мне вопрос ставится, в стеновке про меня писали, вызывали мать в школу. Говорят: «брось бузить, а то повор не всю школу».

А я скажу — все бузят. И нечего меня одного выставлять.

На уроках скучно.

Ну и начинаешь потихоньку бузить. Не очень сильно. Ну, разговариваешь, записочками кидаешься.

Разве это хулиганство?

А с чего меня хулиганом считают?

Один раз ребята у стула ножку сломали. Я подставил, — как будто цельный. Учитель сел, — упал на пол. Виноваты вроде все, а свалили на меня одного.

К введующему вызвали, чуть из школы не выгнали.

И с того и пошло.

Чуть кто чего набузит, а учитель, не разбираясь, прямо на меня.

Уж прямо вло берет.

Иной раз тихо сидишь, слушаешь. Кто-нибудь кинет учителю на стол бумагу жеваную...

Учитель увидит, — сейчас на меня: «Иди вон из класса!».

Хулиганишь, не хулиганишь — все одно виноват. Ну и бузишь.

На переменах тоже буза. Выйдешь из класса — делать нечего. Сейчас в уборную. Там покурить стрелнешь.

Выходишь до звонка, дома делать нечего.

Ну начнешь с ребятами вперекладку играть.

Станем у стенок в коридоре. Кто пройдет — его пихают от стенки к стенке. Девчата визжат — боятся проходить. Пробка тесная в коридоре.

Бывает, пихнешь кого-нибудь, он налетит на учительницу, та разорется: «Хулиган!» — Опять идем к введующему. А введующий кричит: «Из школы выгоню!!!», мать вызывает. Потом дома скандалы. Отец ругается.

Иной раз сам думаешь:

«Не буду хулиганить. Брошу».

Придешь в школу. Ребята сейчас для бузы изобретут что-нибудь.

Хочешь на них не глядеть, а глядишь и сам втянешься.

Другой раз что-нибудь интересное бывает, слушаешь, а ребята разбузились, мешают. Скажешь им: «Тише».

А они на тебя: «Тебе-то какое дело?». Я говорю: «Мешаете». «Ну, и мой отсюда».

А то и пригрозят.

Ну, а на следующем уроке, конечно, сам бузишь немало с ребятами. Опять в стеновку попадешь за что-то, хотя бузили все.

Я считаю, что это неправильно.

Дубровский 25 школа